

УДК 911.3 (26)

**ПРИМОРСКАЯ ЗОНА
РОССИИ
КАК ОБЩЕСТВЕННО-
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ФЕНОМЕН:
ПОДХОДЫ
К КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
И ДЕЛИМИТАЦИИ**

А. Г. Дружинин*

Изложено представление о приморских зонах как приоритетном объекте общественно-географических исследований. Обоснован взгляд на талассоаттрактивность населения и хозяйства как базовый индикатор формирования приморской зоны, выявлена присущая России (на макро- и мезоуровне) инверсия талассоаттрактивности, акцентированы ее причины. Культивируется понимание приморской зоны как полимасштабного, континуально-дискретного явления с выраженными проявлениями трансграничности и повышенным потенциалом кластерообразования в экономике, в том числе трансграничного. В качестве самостоятельной типологической единицы акваториально-территориального социально-экономического системообразования выделяется трансакваториальный кластер, раскрыты его особенности, а также условия формирования и развития в рамках актуальных геоэкономических тенденций. Охарактеризовано состояние и перспективы трансакваториального кластерообразования в основных сегментах приморской зоны Российской Федерации.

Ключевые слова: приморская зона, общественная география, Россия

Введение

Обладая протяженными морскими границами, владея обширными побережьями и имея в Мировом океане устойчивые геополитические и геоэкономические интересы, Россия последние три столетия неизменно выступает в роли одной из ведущих морских держав. Осознание значимо-

* Южный федеральный университет
344006, Россия, Ростов-на-Дону,
Ул. Большая Садовая, 105.

Поступила в редакцию 23.01.2016 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-5

© Дружинин А. Г., 2016

сти «морского фактора» в развитии страны в этой связи закономерным образом имплантировано в научную исследовательскую традицию [1—6], имманентно отечественной географической мысли, уже более четырех десятилетий культивирующей представления о «земноводности» географии Мирового океана [7], о контактной зоне «суша-море» [8], об акваториально-территориальных системах [9], о «приморских регионах» [10—13], их природно-экологической и социально-экономической специфике.

В геоэкономическом контексте конца XX — начала XXI в. влияние фактора Мирового океана на социально-экономическое развитие многократно возрастает, сопровождаясь дальнейшим «стягиванием» внешнеторгового, транспортно-логистического, инфраструктурного и инновационного потенциала стран и их регионов в приморские территории [14—17]. Тренд *талассоаттрактивности* («тяготения к морю», явления в англоязычной литературе чаще обозначаемого термином *coastalization* [18]) проецируется и на систему расселения: согласно подсчетам [19] в 100-километровой полосе проживает 37% мирового населения, а в 200-километровой — около 50%. В подобном контексте проблематика *приморских зон (ПЗ)*, включая общественно-географические аспекты их концептуализации, идентификации и делимитации, закономерно актуализируется, обретает приоритетные позиции [20; 21], в том числе и в современной России.

Концептуализация приморской зоны: приоритет обществоведческого подхода

Согласно утвердившемуся в российской географической науке пониманию «зона» представляет собой «специфическую территорию, характеризующуюся наличием и интенсивностью явления» [22, с. 48], «один из видов географических районов-таксонов» [23], и в этой связи для идентификации соответствующих пространственных объектов (в нашем случае — ПЗ) существенны два содержательных момента. Прежде всего именно в зонах, индицируемых как *приморские*, влияние «фактора моря» не только имеет место (подчеркнем — оно универсально, в различной степени напрямую или опосредованно проецируемо на все территории, включая континентальные), но, что важно, сопровождается при этом теми или иными рельефно проявляющимися общественно-географическими эффектами. Стремление к их фиксации и концептуализации в процессе обособления особого рода пространственных объектов воплотилось в совокупности родственных (и одновременно различающихся теми или иными содержательными нюансами) понятийно-терминологических конструкций, начиная с 1970-х гг. активно культивируемых и тиражируемых в отечественной научной литературе: «береговая зона» [24; 25], «прибрежная зона» [26], «приморская террито-

рия» [10; 11], «морское побережье» [27] и др. Причем если в понятии «береговая зона» (доминирующем в публикациях по геологии, геоморфологии, береговедению [28]) изначально превалирует физико-географическое содержание, то словосочетания «прибрежная зона» и «приморская зона» в большинстве ситуаций применяются для обозначения либо общегеографической (социоприродной, природно-хозяйственной) [27], либо собственно общественно-географической реальности [26]. Зачастую термины эти предельно сближены по своему содержательному наполнению, распространяясь (в зависимости от контекста) как на всю полосу контакта «суша-море» [10; 29], так и преимущественно на ее территориальную составляющую [30]. И подобное положение дел (практически неизбежное, закономерное, поскольку объектом исследования в данном случае выступает сложная и пока лишь фрагментарно, поверхностно познанная и осмысленная географическая реальность), как видится, требует упорядочивания терминологии, включая фокусировку внимания на *приморской зоне* как ключевой понятийно-терминологической конструкции, способной обособить и высветить в широкой палитре акваториально-территориальных явлений именно *общественно-географические таксоны*, четче обозначить их специфику.

Акцентируя внимание на гносеологическом потенциале категории «приморская зона», очерчивая его содержательные рамки, важно также учитывать, что основная активность по освоению ресурсного потенциала Мирового океана концентрируется именно на морских побережьях, на прилегающих к акваториям территориях [31—33]. И хотя ПЗ не только территориальны, но и (включая «часть суши и часть моря, находящиеся в сильном и непосредственном взаимодействии» [10]) отчасти акваториально-территориальны (и даже трансакваториальны, поскольку именно морские пространства, разделяя приморские территории, одновременно создают предпосылки и для их интеграции), «приморскость» и соответствующие зональные социально-экономические эффекты предопределяются не столько собственно морем (его наличием, близостью) либо функционированием системы «суша — море» (в ее физико-географической ипостаси), сколько Обществом, его геоэкономикой, геополитикой, общей архитектурой его территориальной организации. Не всякое побережье в этой связи можно рассматривать как сложившуюся приморскую зону; последняя должна быть *особым образом заселена и хозяйственно освоена в результате вовлечения в специфические общественно-географические связи, отношения, процессы*.

Акцентируя общественно-географическую детерминацию и специфику ПЗ, сошлемся на мнение Н. Н. Баранского, полагавшего, что мы должны учитывать географический фактор «в связи с состоянием техники, в связи с производственными отношениями, в связи со всей вообще общественно-исторической обстановкой страны на данной ступени ее развития» [34, с. 24]. Методологическая установка на рассмотрение ПЗ сквозь призму комплексного экономико-географического ана-

лиза (где хозяйственные факторы развития являются ключевыми) традиционна для нашей науки [35—37] и, дополняясь в последние годы экосистемным [38] и геокультурным подходами [39], в целом сохраняет и свою актуальность, и свое превалирование.

При этом нельзя не учитывать, что географический фактор (по В. А. Анучину), «не определяя причин общественного развития, тем не менее, определял и определяет условия этого развития» [40, с. 78]. Полоса взаимодействия «суша — море» и в особой мере собственно морское побережье выступают «месторазвитием» приморской зоны, ее исходным геосубстратом, аттрактором присущих ей социально-экономических и иных эффектов. Тем не менее «морской фактор» в обособлении приморских зон, специфических трендах их развития (на фоне аналогичных процессов во «вмещающих» приморские зоны регионах, странах) во многом опосредован теми отношениями, в которые человек (в его экономических, политических, культурных и иных пространственно организованных формах и проявлениях) вступает с другими людьми (иными территориальными общностями) «по поводу» моря, морских побережий, использования их хозяйственного, селитебного и военно-стратегического потенциала. В этой связи *любая приморская зона — это прежде всего общественно-географическое явление*, то есть сочетание территориально сфокусированных экономических, социальных, культурных и политических программ, отношений, институтов, образов [42], «работающих» и получающих фактическое воплощение в природно-хозяйственном, экономико-демографическом, социально-экологическом и экистическом контексте полосы взаимодействия «суша — море». Отметим также, что приморские зоны (любого масштаба и степени сформированности) обретают свое общественно-географическое своеобразие именно «при море»; и в этой связи использование характеристики «приморский» для обозначения соответствующих таксонов (напомним, традиционно рассматриваемых именно как территория, то есть часть суши [22; 23], что сохраняет серьезный резон даже с учетом освоения общественной географией «морской» проблематики) предпочтительней чем, к примеру, «прибрежный», который лингвистически более подходит для обозначения части акватории. Понятие «зона», следуя логике озвученной ранее его содержательной интерпретации, было бы наиболее оправданно применять исключительно «в связке» со словом «приморская», полагая, что «прибрежными», «морскими», «океаническими» могут быть «сектора», «бассейны», «полосы»; последовательная реализация подобного подхода позволит преодолеть терминологическую путаницу, четче высветить общественно-географическую составляющую «приморской» проблематики, закрепить за конструктом «приморская зона» вполне конкретное, самостоятельное место в системе научных категорий, ориентированных на идентификацию и делимитацию акваториально-территориальных структур.

Феномен талассоаттрактивности в идентификации приморской зоны: универсальное и специфическое в общественно-географическом контексте России

По своей пространственной конфигурации ПЗ — это преимущественно полоса, характеризующаясь повышенной плотностью населения, поселений и хозяйственной активности. В ее идентификации и делимитации существенны многие обстоятельства: наличие морского побережья, выход на него тех или иных регионов и объединяемых ими муниципальных образований, присутствие (и степень развитости) компонент морехозяйственного комплекса, локализация (и конфигурация) групповых систем расселения. При этом безусловным, наиболее важным комплексным индикатором ПЗ (как это ранее уже многократно было акцентировано [33; 42]) выступает феномен талассоаттрактивности, характерное (инициированное реализацией «морского фактора» общественно-географической динамики) сгущение экономического и демографического потенциала.

Берега России омывают воды 3 океанов и 13 морей, протяженность ее морских границ превышает 46 тыс. км, на морской шельф приходится свыше 4 млн км², а размеры исключительной экономической зоны составляют около 8,5 млн км² [43]. Перечисленные обстоятельства создают предпосылки для масштабного присутствия ПЗ в общественно-географическом контексте нашей страны: по ситуации на 2015 г. непосредственный выход к морю имеют 23 региона (из 85) и 166 муниципальных районов и городских округов (всего в РФ их 2358, в том числе 493 — в субъектах, которые можно идентифицировать как приморские); на долю приморских муниципальных образований приходится 3 840 984 км² территории (22,4% от показателя по РФ) и 16 875 тыс. жителей (11,5% всего демографического потенциала страны); в 80 приморских городах (13 из них являются столицами субъектов Федерации) проживает 13,3 млн человек. Но насколько в действительности морской фактор в формировании общественно-географической архитектоники России оказался реализован? В какой мере общепринятые, ставшие почти шаблонными, представления об экономико-демографической притягательности побережья (включая и суждения, что «плотность приморского населения в 2,5 раза выше, чем глобальная средняя плотность» [44, с. 596]) применимы к конкретным ситуациям российского побережья?

Ответим сразу: фактор моря реализован, но фрагментарно, селективно; проявления талассоаттрактивности в территориальной организации российского общества в этой связи — неявны, напрямую связаны с конкретным региональным и локальным контекстом. Более того, судя по такому основополагающему индикатору, как плотность населения, в общероссийском масштабе наблюдается выраженная *инверсия талассоаттрактивности*, особым образом проявляющаяся в азиатской части страны (табл. 1).

Таблица 1

**Плотность населения в приморских муниципальных образованиях
и приморских регионах России, чел/ км², 2015 г.**

Территория	Все регионы России	Приморские регионы	Приморские муниципальные образования
Европейская часть	26,3	18,3	26,2
Азиатская часть	2,99	0,9	0,74
Вся Россия	8,55	2,8	4,39

Источник: по данным Росстата.

Фундаментальная причина подобной ситуации связана, конечно, с общей исторически сложившейся конфигурацией территориальной социально-экономической системы России (устойчиво обозначаемой как «континентальность» [3; 45]). Однако, что характерно, и в подобном контексте инверсия — не повсеместна (к примеру, в Приморском и Краснодарском краях в имеющих выход к морю муниципальных образованиях плотность населения превышает среднюю по региону в 1,6 раза, в Ленинградской области — в 1,34 соответственно) и сочетается с определенным, присущим постсоветскому периоду, перераспределением демографического потенциала в пользу приморских регионов (за 1989—2015 гг. их удельный вес в населении России вырос с 23,9 до 24,2%).

После трансформационного «обвала» 1990-х опережающим образом прирастает и экономический потенциал побережий. Наиболее показательно в этом отношении устойчивое увеличение в совокупном ВРП РФ удельного веса группы приморских регионов, которые по ряду характеристик («приближенность» основных центров к акватории моря; существенное присутствие в экономике компонент морехозяйственного комплекса, локализация ведущих морских портов и др.) могут рассматриваться как *талассоцентрированные* (табл. 2).

Таблица 2

**Удельный вес талассоцентрированных приморских регионов
в ВРП России, %**

Территория	1995	2000	2008	2013
Балтийская макрорезона	45,99	46,39	57,88	64,19
Санкт-Петербург	33,38	32,98	41,40	46,22
Ленинградская область	8,88	9,46	11,19	12,83
Калининградская область	3,73	3,95	5,29	5,14
Баренц-Беломорская макро- зона	20,33	19,30	14,98	15,18
Мурманская область	10,20	9,24	6,29	5,69
Архангельская область (с Ненецким АО)	10,13	10,06	8,69	9,49

Окончание табл. 2

Территория	1995	2000	2008	2013
Азово-Черноморская макро- зона	40,67	38,80	40,35	47,05
Краснодарский край	21,96	23,64	23,56	29,95
Ростовская область	18,71	15,16	16,79	17,10
Прикаспийская макро- зона	7,03	8,56	10,44	12,90
Астраханская область	4,08	5,16	4,28	4,95
Республика Дагестан	2,95	3,40	6,16	7,95
Тихоокеанская мега- зона	25,83	21,49	23,49	28,08
Чукотская АО	0,96	0,64	0,89	0,87
Магаданская область	2,40	2,02	1,22	1,64
Камчатский край	3,85	2,85	2,28	2,44
Приморский край	13,70	10,29	9,31	10,66
Сахалинская область	4,92	5,69	9,79	12,47
Итого по 15 субъектам РФ*	139,85	134,54	147,24	167,40

Источник: по данным Росстата.

* Данная цифра не включает Республику Крым и город Севастополь, вошедшие в состав РФ с марта 2014 г.

С 2000 г. совокупный удельный вес талассоцентрированных приморских регионов в ВРП России вырос с 134,54 до 167,40%; почти половина прироста пришлась на российскую Балтику (в первую очередь на Санкт-Петербург).

Присущее нашей стране фактическое сочетание многоаспектных проявлений талассоаттрактивности и ее инверсии инициирует понимание ПЗ как *полимасштабного* (имеющего не только свое общероссийское, либо региональное, но также и локальное измерение) и при этом (в хозяйственных, инфраструктурно-транспортных и иных реалиях побережья) *континуально-дискретного* явления. Ее глубина (ширина) зависит от комплекса природных (конфигурация суши, орография, глубины устьевых участков рек и др.) и социально-экономических факторов (масштаб «присутствия» в экономике компонент морехозяйственного комплекса, позиционирование тех или иных приморских территорий на рынке туристско-рекреационных и транспортно-логистических услуг, развитость инфраструктуры, наличие сложившихся групповых систем расселения и т.п.); не случайно в этой связи представления о ширине ПЗ варьируются в диапазоне от 50 до 200 км [7; 9; 45]. В России (за исключением эксклавной Калининградской области, части степного Крыма, а также ряда урбанистических ареалов, локализованных на основных «коридорах» геоэкономической коммуникации и организуемых городами-метрополиями [46], наподобие Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Краснодара, Владивостока, Астрахани, Мурман-

ска и Архангельска) ПЗ в существенной мере *прижата к побережью*; положение это разительным образом контрастирует с наличием обширнейших (с радиусами до нескольких тысяч километров) хинтерландов ведущих морских портов страны (наподобие Усть-Луги и Мурманска, осуществляющих перевалку каменного угля Кузбасса).

Приморская зона в итоге не только распадается на множество центров (и субцентров) социально-экономической активности, но и (в большинстве ситуаций) вплотную приближается к рубежу разделения (интеграции) суши и моря (береговой линии). Присутствие ПЗ в структуре тех или иных приморских регионов (равно как и муниципальных образований) в этой связи — неравнозначно. Это, кстати, существенно усложняет делимитацию и параметризацию ПЗ, лишь в первом приближении форматируемых матрицей «приморские регионы — приморские муниципальные образования», тем более что ПЗ *динамична* и, корреспондируя с морехозяйственной активностью, способна сравнительно быстро видоизменять свои пространственные контуры. Яркая иллюстрация — ситуация в ареале реализации проекта строительства порта Усть-Луга, где за два десятилетия ПЗ (ранее — узкой «лентой», оконтуривающей балтийское побережье) полностью «накрыла» территорию Кингисеппского района Ленинградской области [47]. Приморская зона «не вмещается» в рамки административно-территориального деления страны и бытующие представления о приморских территориях должны быть в этой связи скорректированы, подвергнуты регулярной ревизии.

Трансграничный и трансакваториальный экономический кластерогенез: специфика приморских зон

Насыщенная судоходными путями и «окаймленная» портовыми комплексами морская акватория представляет собой специфическое по своей конфигурации пространство *множества разноудаленных границ*; и в этой ситуации становление и развитие ПЗ неразрывно связано с выстраиванием многоаспектных трансграничных отношений, контактов, связей, то есть с различного рода эффектами *политрансграничности*. Их полномасштабные проявления в существенной мере корреспондируют с кластерогенезом в экономике ПЗ, причем использование «контактного» потенциала морских акваторий формирует крайне важный для кластерогенеза *трансакваториальный* (данное понятие, раскрывающее взаимодействие «через акваторию» и «посредством акватории»), развивается автором статьи начиная с 2008 г. прежде всего применительно к ситуации в Причерноморье [42; 48]) контекст, позволяя идентифицировать не только имманентные ПЗ «трансакваториальные трансграничные кластеры», но и совокупность локализованных в приморских зонах типологически инвариантных форм кластерогенеза (рис.).

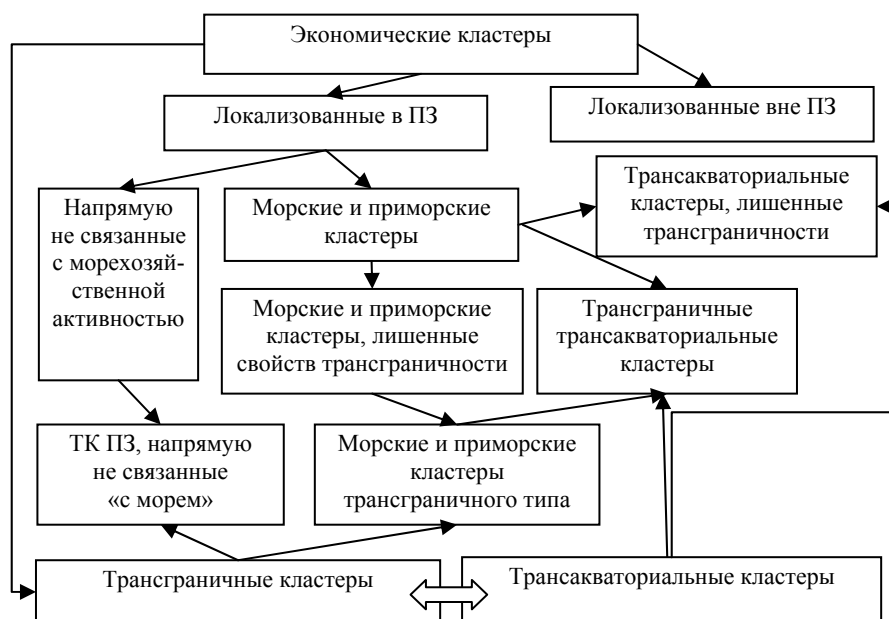

Рис. Учет свойств трансграничности и трансакваториальности в типологическом структурировании кластеров ПЗ

Трансакваториальный кластер можно определить как территориально-локализованную группировку экономических субъектов, чья целостность и эффективное взаимодействие обеспечивается использованием ресурсного (в первую очередь коммуникационного) потенциала морской (океанической) акватории; инфраструктурным ядром трансакваториального кластера выступают интегрируемые морским транспортом портово-логистические комплексы¹. Следует при этом подчеркнуть, что в реальной ситуации современных ПЗ трансакваториальность в существенной мере корреспондирует с трансграничностью, а трансграничные кластеры обретают трансакваториальную детерминанту и свойства.

Важно также осознавать, что для современной России (в отличие, например, от стран Евросоюза, а также ряда государств АТР) трансакваториальный кластер выступает преимущественно потенциальным, формирующимся типом интеграции экономических субъектов. Наиболее продвинутое (и фрагментарное на начальных стадиях) кластерообразование демонстрирует лишь северо-западная часть Европейского побережья России; в еще меньшей степени развито трансакваториальное взаимодействие в ПЗ Юга России. Перспективы тем не менее дос-

¹ Наличие морского порта приводит к эффекту «рассеянного кластера», в котором формируется более сложная и многомерная сеть потенциальных и реальных взаимосвязей между экономическими субъектами, находящимися в иных (в ряде ситуаций — достаточно отдаленных) приморских территориях.

таточно велики. В числе приоритетов — использование потенциала трансакваториальной кластеризации в развитии профильных отраслей морехозяйственного комплекса Крыма (рекреация, судостроение и судоремонт, марикультура и рыбопереработка) и в целом всего российского Причерноморья. Значительные возможности формирования трансакваториальных кластеров связаны с реализацией арктического вектора геоэкономической стратегии России. Столь же существенна роль трансакваториальных взаимодействий в повышении устойчивости хозяйственного комплекса эксклавной Калининградской области. Ситуация геополитического «разворота» России не умаляет важности пролонгации (и наращивания!) трансакваториальных *трансграничных* контактов: наибольшие возможности здесь сохраняются в метарегионе Балтики; в русле евразийской экономической интеграции формируются предпосылки для активизации кластерогенеза и в приморской зоне Каспия.

Заключение

Наблюдаемое в последние годы изменение геополитической ситуации и ухудшение (для Российской Федерации в целом, основной массы ее регионов и крупнейших экспортоориентированных бизнес-структур) геоэкономической конъюнктуры — продуцируют риски социально-экономической стагнации приморских территорий, их дальнейшего «расслоения» по бюджетным, инвестиционным, инфраструктурным и иным возможностям, рост экологических и социальных деструкций. Необходимое в этом контексте полномасштабное использование акваториально-территориальных ресурсов ПЗ страны, их эффективное включение в мирохозяйственные сети и циклы (в том числе обретение Россией и ее приморской зоной новых геоэкономических векторов, наращивание нацеленных на глобальные рынки производств), устойчивое социально-демографическое воспроизводство и развитие инфраструктуры связаны в том числе и с активизацией экономической кластеризации на основе *трансграничной (трансакваториальной) экономической интеграции. Роль Мирового океана, его побережий и для России, и для человечества в целом стратегически будет только усиливаться, превращая приморские зоны во все более значимый, приоритетный объект общественно-географического анализа.*

Исследование выполнено при поддержке РФФ (проект 15-18-10000 «Трансграничное кластерообразование в динамике экономических и селитебных систем приморских территорий европейской России»).

Список литературы

1. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1898.
2. Шокальский Ю. М. Север СССР и его значение для Республики // Известия Государственного географического общества. 1924. Т. 56. С. 154—161.

3. *Бернштейн-Коган С. В.* Очерки географии транспорта. М. ; Л., 1930.
4. *Саушкин Ю. Г.* Экономическая география: история, теория, методы, практика. М., 1973.
5. *Теоретические* вопросы физической и экономической географии Мирового океана. Л., 1979.
6. *Вопросы* географии океана (обобщение опыта и координация теоретических и прикладных исследований). Л., 1983.
7. *Сальников С. С.* Экономическая география океана — новое перспективное направление экономической и социальной географии // Советская география. Л., 1984. С. 231—242.
8. *Дергачёв В. А.* Основы экономического районирования Мирового океана. Киев, 1980.
9. *Покишишевский В. В.* География расселения на берегах Мирового океана. Л., 1979.
10. *Гогоберидзе Г. Г.* Структура и свойства морехозяйственного потенциала приморской территории // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2008. Вып. 3. С. 75—81.
11. *Махновский Д. Е.* Приморские регионы Европы: развитие экономики на рубеже XX и XXI веков // Балтийский регион. 2014. №4. С. 59—78.
12. *Фёдоров Г. М., Корнеевец В. С.* Социально-экономическая типологизация приморских регионов России // Балтийский регион. 2015. №4. С. 121—134.
13. *Лачининский С. С., Семенова И. В.* Санкт-Петербургский приморский регион: геоэкономическая трансформация территории. СПб., 2015.
14. *Bosworth A.* The world-city system by the year 2000 // Journal of Developing Societies. 1996. №12 (1). P. 52—67.
15. *Cartier C.* Cosmopolitics and the maritime world city // The Geographical Review. 1999. №89 (2). P. 278—289.
16. *Notteboom T., Rodrigue J.-P.* Port Regionalization: Towards a New Phase in Port Development // Maritime Policy & Management. 2005. №32 (3). P. 297—313.
17. *Verhetsel A., Sel S.* World maritime cities: From which cities do container shipping companies make decisions? Transport Policy. 2009. №16 (5). P. 240—250.
18. *Serra P., Vera A., Tulla A. F., Salvati L.* Beyond urban-rural dichotomy: Exploring socioeconomic and land-use processes of change in Spain (1991—2011) // Applied Geography. 2014. №55. P. 87—95.
19. *Pak A., Majd F.* Integrated coastal management plan in free trade zones, a case study // Ocean and Coastal Management. 2011. №54. P. 129—136.
20. *Hilderbrand L.P., Norrena E.* Approaches and progress toward effective integrated coastal zone management // Marine Pollution Bulletin. 1992. P. 94—97.
21. *King S.D.* The coastal zone environment: a place to work, rest, play and to manage // Coastal and marine geo-information systems: applying the technology to the environment. The Netherlands, 2003. P. 1—20.
22. *Алаев Э. Б.* Экономико-географическая терминология. М., 1977.
23. *Социально-экономическая география: понятия и термины* : слов.-справ. / отв. ред. А. П. Горкин. Смоленск, 2013.
24. *Аникеев В. В.* Градостроительные аспекты развития приморских систем расселения на базе портовых городов // Вестник Инженерной школы Дальневосточного федерального университета. 2012. №2 (11). С. 45—53.
25. *Айбулатов Н. А.* Геоэкология береговой зоны моря // Проблемы развития морских берегов. М., 1989. С. 81—87.

26. *Фадеев С. А.* Трансформация прибрежных зон в Западной Европе и Европейской России: делимитация и управление : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 1998.
27. *Арзамасцев И. С.* Природопользование в прибрежных зонах: основные понятия, зонирование и проблемы управления // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2009. №4 (49). С. 76—89.
28. *Гогоберидзе Г. Г., Леднова Ю. А.* Возможности применения КУПЗ и принципов морского пространственного планирования в Российской Федерации // Региональная экология. 2014. №1—2 (35). С. 141—144.
29. *The Situation in Europe's Coastal Zones.* URL: <http://europa.eu.int/comm/environment/iczm/situation.htm> (дата обращения: 20.09.2013).
30. *Сычев С. Л.* Комплексное освоение прибрежной зоны Черного моря — важнейший фактор ее устойчивого развития: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Краснодар, 2006.
31. *Слевич С. Б.* Океан: ресурсы и хозяйство. Л., 1988.
32. *Залогин Б. С.* Экономическая география Мирового океана. М., 1984.
33. *Покшишевский В. В.* Экономическая география Мирового океана. М., 1982.
34. *Баранский Н. Н.* Краткий курс экономической географии. М., 1929.
35. *Лавров С. Б., Сальников С. С.* Промышленный «сдвиг к морю» и формирование портово-промышленных комплексов // География океанов : матер. VI съезда ГО СССР. Л., 1975. С. 12—22.
36. *Бондаренко В. С.* Экономико-географическое изучение приморских зон // Вестник МГУ. Сер. : География. 1981. №1. С. 36—41.
37. *Топчиев А. Г., Полоса А. И.* Приморские хозяйственные комплексы: понятийно-концептуальный анализ // Приморские регионы: географические и социально-экономические проблемы. Владивосток, 1987. С. 42—50.
38. *Бакланов П. Я., Романов М. Т.* Геополитические факторы развития трансграничных регионов // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2010. №2 (51). С. 60—71.
39. *Колосовский А. М.* К вопросу об источниках и механизмах саморазвития приморских территорий // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 3. С. 31—42.
40. *Анучин В. А.* Географический фактор в развитии общества. М., 1982.
41. *Дружинин А. Г.* От гуманизации к неогуманизации российской социально-экономической географии: тренды, проблемы, приоритеты // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2011. №1 (2). С. 34—51.
42. *Дружинин А. Г.* Экономический потенциал приморской зоны: понятийно-категориальные основы концепции // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Сер. : Общественные науки. 2004. №4. С. 54—60.
43. *Алхименко А. П.* Морехозяйственный комплекс России: тенденции развития и проблемы // Морехозяйственный комплекс России. СПб., 2005. С. 5—23.
44. *Small C., Nicholls R. J.* A global analysis of human settlement in coastal zones // Journal of Coastal Research. 2003. Vol. 19, is. 3. P. 584—599.
45. *Безруков Л. А.* Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск, 2008.
46. *Дружинин А. Г.* Метрополии и метрополизация в современной России: концептуальные подходы в политико-географическом контексте // Известия РАН. Сер. : Географическая. 2014. №1. С. 19—27.

47. Дружинин А. Г., Лачининский С. С. «Приморский фактор» в социально-экономическом развитии территории (на материалах Кингисеппского района Ленинградской области) // Янтарный мост. Журнал региональных исследований. 2015. № 3 (6). С. 22—41.

48. Дружинин А. Г. Юг России: интеграционные приоритеты в пространстве Большого Причерноморья // Научная мысль Кавказа. 2008. № 3. С. 23—30.

Об авторе

Александр Георгиевич Дружинин, доктор географических наук, профессор, Председатель Координационного совета Ассоциации российских географов-обществоведов, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет, Россия.

E-mail: alexdru9@mail.ru

Для цитирования:

Дружинин А. Г. Приморская зона России как общественно-географический феномен: подходы к концептуализации и делимитации // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 2. С. 85—100. doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-5.

RUSSIA'S COASTAL ZONE AS A SOCIAL AND GEOGRAPHIC PHENOMENON: CONCEPTUALISATION AND DELIMITATION

A. Druzhinin *

*Southern Federal University
105 B. Sadovaya ul. Rostov-on-Don, 344006, Russia

Submitted on January 23, 2016

This article defines coastal zones as a priority subject of studies in social geography and interprets coastalisation of population and economy as a key indicator of the development of a coastal zone. The author stresses the inverted coastalisation in Russia at the macro- and meso-levels and identifies its causes. The article defines the coastal zone as a full-scale, continuum-discrete phenomenon with clear cross-border characteristics and increased potential for cluster formation in the economy. Marine cross-border clusters are identified as independent typological units. Characteristics and conditions for their formation and development are described in view of contemporary geoeconomic trends. The author examines the conditions and prospects for the formation of marine cross-border clusters in the key segments of Russia's coastal zone.

Key words: coastal zone, Human geography, Russia.

References

1. Mechnikov, L. I. 1898, *Tsivilizatsiya i velikie istoricheskie reki* [The Civilization and the great historical rivers], 362 p.
2. Shokal'skiy, Yu. M. 1924, Sever SSSR i ego znachenie dlya Respubliki [North of the USSR and its importance for the Republic], *Izvestiya Gosudarstvennogo geograficheskogo obshchestva*, T. 56, P. 154—161.
3. Bernshteyn-Kogan, S. V. 1930, *Ocherki geografii transporta* [Essays on Geography of Transport], Moskva — Leningrad, 348 p.
4. Saushkin, Yu. G. 1973, *Ekonomicheskaya geografiya: istoriya, teoriya, metody, praktika* [Economic Geography: history, theory, methods, practice], Moscow, 559 p.
5. *Teoreticheskie voprosy fizicheskoy i ekonomicheskoy geografii Mirovogo okeana* [Theoretical questions of physical and economic geography of the oceans], 1979, Leningrad, 136 p.
6. *Voprosy geografii okeana (obobshchenie opyta i koordinatsiya teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy)* [Questions Ocean Geography (generalization of experience and the coordination of theoretical and applied research).], 1983, Leningrad, 168 p.
7. Sal'nikov, S. S. 1984, Ekonomicheskaya geografiya okeana — novoe perspektivnoe napravlenie ekonomicheskoy i sotsial'noy geografii [The economic geography of the ocean — a new perspective direction of economic and social geography]. In: *Sovetskaya geografiya* [Soviet geography], Leningrad, p. 231—242.
8. Dergachev, V. A. 1980, *Osnovy ekonomicheskogo rayonirovaniya Mirovogo okeana* [Fundamentals of economic zoning of the oceans], Kiev, 110 p.
9. Pokshishevskiy, V. V. 1979, *Geografiya rasseleniya na beregakh Mirovogo okeana* [Geography settlement on the shores of the oceans], Leningrad, 342 p.
10. Gogoberidze, G. G. 2008, Struktura i svoystva morekhozyaystvennogo potentsiala primorskoy territorii [Structure and properties of marine economic potential of the maritime area], *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [Vestnik Immanuel Kant Baltic Federal University], no. 3, p. 75—81.
11. Makhnovsky, D. 2014, The Coastal Regions of Europe: Economic Development at the Turn of the 20th Century, *Balt. Reg.*, no. 4, p. 50—66. DOI: 10.5922/2074-2079-8555-4-4.
12. Fedorov, G., Korneevets, V. 2015, Socioeconomic typology of Russia's coastal regions, *Balt. Reg.*, no. 4, p. 89—101. DOI: 10.5922/2079-8555-2015-4-7.
13. Lachininskiy, S. S., Semenova, I. V. 2015, *Sankt-Peterburgskiy primorskiy region: geoeconomicheskaya transformatsiya territorii* [St. Petersburg coastal region: geo-economic transformation of the territory], Saint Petersburg, 191 p.
14. Bosworth, A. 1996, The world-city system by the year 2000, *Journal of Developing Societies*, T. 12, Vol. 1, p. 52—67.
15. Cartier, C. 1999, Cosmopolitics and the maritime world city, *The Geographical Review*, T. 89, Vol. 2, p. 278—289.
16. Notteboom, T., Rodrigue, J.-P. 2005, Port Regionalization: Towards a New Phase in Port Development, *Maritime Policy & Management*, T. 32, Vol. 3, p. 297—313.
17. Verhetsel, A., Sel, S. 2009, World maritime cities: From which cities do container shipping companies make decisions? *Transport Policy*, T. 16, Vol. 5, September, p. 240—250.
18. Serra, P., Vera, A., Tulla, A. F., Salvati, L. 2014, Beyond urban-rural dichotomy: Exploring socioeconomic and land-use processes of change in Spain (1991—2011), *Applied Geography*, no. 55, p. 87—95.
19. Pak, A., Majd, F. 2011, Integrated coastal management plan in free trade zones, a case study, *Ocean and Coastal Management*, no. 54, p. 129—136.

20. Hilderbrand, L.P., Norrena, E. 1992, Approaches and progress toward effective integrated coastal zone management. In: *Marine Pollution Bulletin*, p. 94—97.
21. King, S.D. 2003, The coastal zone environment: a place to work, rest, play and to manage. In: *Green DR, King SD, editors. Coastal and marine geo-information systems: applying the technology to the environment*, The Netherlands, p. 1—20.
22. AlaeV, E.B. 1977, *Ekonomiko-geograficheskaya terminologiya* [Economic and geographic terminology.], Moscow, 189 p.
23. Gorkin, A.P. (ed.), 2013, *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya: ponyatiya i terminy* [Socio-Economic Geography: the concepts and terms], Smolensk, 328 p.
24. Anikeev, V.V. 2012, Gradostroitel'nye aspekty razvitiya primorskikh sistem rasseleniya na baze portovykh gorodov [Town planning aspects of the coastal settlement systems on the basis of port cities], *Vestnik Inzhenernoy shkoly Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta*, no. 2, p. 45—53.
25. Aybulatov, N.A. 1989, Geoekologiya beregovoy zony morya [Geoecology of the coastal zone of the sea]. In: *Problemy razvitiya morskikh beregov* [Problems coasts], p. 81—87.
26. Fadeev, S.A. 1998, *Transformatsiya pribrezhnykh zon v Zapadnoy Evrope i Evropeyskoy Rossii: delimitatsiya i upravlenie* [The transformation of coastal zones in Western Europe and European Russia: the delimitation and management], PhD Thes., Moscow, 25 p.
27. Arzamastsev, I.S. 2009, Prirodopol'zovanie v pribrezhnykh zonakh: osnovnye ponyatiya, zonirovaniye i problemy upravleniya [Nature in coastal areas: basic concepts, zoning and management problems], *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*, no. 4, p. 76—89.
28. Gogoberidze, G.G., Lednova, Yu.A. 2014, Vozmozhnosti primeneniya KUPZ i printsipov morskogo prostranstvennogo planirovaniya v Rossiyskoy Federatsii [Possible applications of the principles of ICZM and marine spatial planning in the Russian Federation], *Regional'naya ekologiya*, no. 1—2, p. 141—144.
29. The Situation in Europe's Coastal Zones. [Elektronnyy resurs], 2013, available at: <http://europa.eu.int/comm/environment/iczm/situation.htm> (accessed 20.09.2013).
30. Sychev, S.L. 2006, *Kompleksnoe osvoenie pribrezhnoy zony Chernogo morya — vazhneyshiy faktor ee ustoychivogo razvitiya* [Integrated development of the coastal zone of the Black Sea — a key factor in its sustainable development], PhD Thes., Krasnodar, 25 p.
31. Slevich, S.B. 1988, *Okean: resursy i khozyaystvo* [Ocean: resources and economy], Leningrad, 315 p.
32. Zalugin, B.S. 1984, *Ekonomicheskaya geografiya Mirovogo okeana* [Economic Geography of the World Ocean], Moscow, 248 p.
33. Pokshishevskiy, V.V. 1982, *Ekonomicheskaya geografiya Mirovogo okeana* [Economic Geography of the World Ocean], Moscow, 306 p.
34. Baranskiy, N.N. 1929, *Kratkiy kurs ekonomicheskoy geografii* [A short course of economic geography], Moscow.
35. Lavrov, S.B., Sal'nikov, S.S. 1975, Promyshlennyy «sdvig k moryu» i formirovaniye portovo-promyshlennykh kompleksov [Industrial "shift to the sea" and the formation of a port and industrial complexes], *Geografiya okeanov*, materials 5 Congress GO USSR, Leningrad, p. 12—22.
36. Bondarenko, V.S. 1981, Ekonomiko-geograficheskoe izuchenie primorskikh zon [Economic-geographical study of coastal zones], *Vestnik MGU, Ser. Geografiya* [Bulletin Moscow State University, Ser. Geography], no. 1, p. 36—41.
37. Topchiev, A.G., Polosa, A.I. 1987, Primorskie khozyaystvennyye komplekсы: ponyatiyno-kontseptual'nyy analiz [Maritimes economic systems: concepts and conceptual analysis]. In: *Primorskie regiony: geograficheskie i sotsial'no-ekonomicheskie problem*, Vladivostok, p. 42—50.

38. Baklanov, P. Ya., Romanov, M. T. 2010, Geopoliticheskie faktory razvitiya transgranichnykh regionov [Geopolitical factors of development of cross-border regions], *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke* no. 2, p. 60—71.

39. Kolosovskiy, A. M. 2010, K voprosu ob istochnikakh i mekhanizмах samorazvitiya primorskikh territoriy [To a question about the sources and mechanisms of self-development of coastal areas], *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta* [Vestnik Immanuel Kant State University of Russia], no. 3, p. 31—42.

40. Anuchin, V. A. 1982, *Geograficheskiy faktor v razvitii obshchestva* [The geographical factor in the development of society], 334 p.

41. Druzhinin, A. G. 2011, Ot gumanizatsii k neogumanizatsii rossiyskoy sotsial'no-ekonomicheskoy geografii: trendy, problemy, priority [From the humanization to a neo-humanization of Russian socio-economic geography: trends, challenges, priorities], *Yuzhno-rossiyskiy forum: ekonomika, sotsiologiya, politologiya, sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya*, no. 1, p. 34—51.

42. Druzhinin, A. G. 2004, Ekonomicheskiy potentsial primorskoj zony: ponyatiyno-kategorial'nye osnovy kontseptsii [The economic potential of coastal areas: the conceptual and categorical basis of the concept], *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki*, no. 4, p. 54—60.

43. Alkhimenko, A. P. 2005, *Morekhozyaystvennyy kompleks Rossii: tendentsii razvitiya i problemy* [Maritime complex of Russia: trends and challenges], *Morekhozyaystvennyy kompleks Rossii*, Saint Petersburg, p. 5—23.

44. Small, C., Nicholls, R. J. 2003, A global analysis of human settlement in coastal zones, *Journal of Coastal Research*, T. 19, Vol. 3, June, p. 584—599.

45. Bezrukov, L. A. 2008, *Kontinental'no-okeanicheskaya dikhomiya v mezhdunarodnom i regional'nom razvitii* [Continental-oceanic dichotomy in the international and regional development], Novosibirsk, 369 p.

46. Druzhinin, A. G. 2014, Metropolii i metropolizatsiya v sovremennoy Rossii: kontseptual'nye podkhody v politiko-geograficheskom kontekste [Metropolis and metropolization in modern Russia: conceptual approaches to political and geographical context], *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya* [Izvestiya RAN. Geographical Series], no. 1, p. 19—27.

47. Druzhinin, A. G., Lachininskiy, S. S. 2015, «Primorskiy faktor» v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii territorii (na materialakh Kingiseppskogo rayona Leningradskoy oblasti) ["Seaside factor" in social and economic development of the territory (on materials of the Kingisepp district of Leningrad region)], *Yantarnyy most. Zhurnal regional'nykh issledovaniy* [Amber bridge. Regional Studies Journal], no. 3, p. 22—41.

48. Druzhinin, A. G. 2008, Yug Rossii: integratsionnye priority v prostranstve Bol'shogo Prichernomor'ya [Southern Russia: integration priorities in the wider Black Sea area], *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, no. 3, p. 23—30.

About the author

Prof. Aleksandr Druzhinin, Head of the Coordination Council of the Russian Human Geographers Association, Director of the North-Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems, the Southern Federal University, Russia.

E-mail: alexdru9@mail.ru

To cite this article:

Druzhinin A. G. Russia's Coastal Zone as a Social and Geographic Phenomenon: Conceptualisation and Delimitation, *Baltiyskiy region*, Vol. 8, no. 2, p. 85—100. doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-5.